

О ПОЭЗИИ ТАЯНЫ ТУДЕГЕШЕВОЙ

В последнее время меня всё больше и больше захватывает поэзия национальных республик Российской Федерации и бывшего СССР — в гораздо большей степени, чем русская, так как первая сохраняет свою национальную самобытность, неповторимость художественного звучания, фольклорную глубину и боль за исчезающие язык и культуру своего народа. Да не обидятся на меня мои русские братья, в стихах которых тоже присутствуют и настоящая боль за Россию, и верность русской поэтической традиции, но, будучи сильнее подвержена влиянию европейской и американской культур, русская поэзия конца XX — начала XXI века оказалась намного сильнее размыта этими влияниями, чем поэзия национальных республик. Со смертью Юрия Кузнецова из русской поэзии ушёл едва ли не последний поэт, в стихах которого слышалось эхо фольклорных мотивов, ощущалось непосредственное знакомство с народной культурой, знание летописных, былинных и песенных первоисточников. Большинство же других сегодняшних авторов знают русский фольклор уже в основном опосредованно: через вторые, а то и через третьи руки — из стихов Сергея Есенина и более поздних поэтов его «школы». Вследствие этого из русской поэзии уходит глубина поэтического дыхания, перестаёт ощущаться тот могучий древний дух, который наполнял собой русские песни, баллады и былины. И восполнить отсутствие этого духа не могут сегодня ни страстная гражданственность, ни почерпнутый из западной литературы предельно усложнённый метафоризм, ни какие-либо другие форматворческие приёмы и внешние эксперименты со словом.

Есть, конечно, и в сегодняшней русской поэзии отдельные взлёты и открытия, свидетельствующие о всё ещё таящемся в ней художественном потенциале. Не могу не назвать здесь имени поэта Евгения Юшина, стихи которого несут в себе дыхание классической русской напевности, источают нежную любовь к Родине и наследуют ту традиционную для русской поэзии образность, которую подсказывает наша богатая на виды и краски природа. Не могу не упомянуть также новосибирского поэта Владимира Берязева, стихи и поэмы которого наполнены гудящим ветром сибирских просторов и грозным топотом скачущих по ним орд кочевников. Но здесь в русскую музыку уже отчётливо вплетаются своеобразные тюркские мотивы — не случайно

его поэма «Тобук» была издана в 2003 году в Казахстане в сборнике «Поэмы о древних тюрках». Отчётливое эхо русского и украинского фольклора обнаруживается в поэзии московского поэта Владимира Бояринова, откровенно любящего играть с образами устной народной поэзии и расцвечивающего свои стихи старинными прибаутками и пословицами, перекличкой с известными былинами и песнями, а также введением в свои сюжеты известных исторических героев, персонажей народных сказок, баллад и легенд. В таком же ключе работает замечательный русский поэт Валентин Устинов, творящий своими стихами собственную мифологическую вселенную, в которой уживаются древние языческие образы и сказочные герои...

Нет, русская поэзия не умерла — об этом не может быть и речи, но её национальное начало оказалось в значительной мере приглушено вторгшимися в сегодняшнюю Россию западными веяниями, разлагающей души масскультурой и корёжащими русский язык иностранными заимствованиями.

Иное дело — поэзия наших национальных республик. Когда я открываю книги татарского поэта Рената Хариса, якутской поэтессы Елены Слепцовой-Куорсуннаах, казаха Мухтара Шаханова, кабардинки Любы Балаговой и целого ряда других национальных авторов, я не могу не ощущать, как в лицо мне бьют могучие ветры их истории, я слышу гул встающих за их спинами тысячелетий, вижу древнюю землю их предков, лица их великих правителей и народных героев, слышу отзвуки древних народных сказаний и красочных поэтических легенд. Я слышу звучащий через каждого из них голос народа, и это — сильнее самых заковыристых метафор и важнее самых злободневных лозунгов.

Именно об этом подумал я, знакомясь с рукописью новой поэтической книги оригинальной шорской поэтессы Таяны Тудегешевой, с первых же страниц которой щемяще-сладко повеяло запахами осенней тайги, дымом ночного костра, послышались удары шаманского бубна, колючий шорох февральской метели... В стихах национальных поэтов есть одна весьма существенная особенность, отличающая их от стихов их русских собратьев, — им дано обладать тем неповторимым колоритом, которого, к сожалению, уже почти не осталось сегодня в русской поэзии. В стихи Таяны Тудегешевой входил, как в какое-то волшебное царство, — они мгновенно завораживают читающего своим магическим ритмом, овладевают его сознанием и ведут через густую

сеть строк, как через экзотический лес или дремучую тайгу, то пугая таинственными тревожными звуками, раздающимися в окружающей чаще, а то очаровывая величием таёжных просторов и клубящимися в них, точно цветные туманы, легендами: «О, давно это было!.. / У реки, у седого Мрассу это было. / В лучезарной долине Мрассу это было. / В небе солнце тогда языком говорило. / Ночевать не спешило... / Вот когда это было. // Ввысь деревья росли до священных небес, / был на море похожим нехоженный лес. / Ручейки-ребятишки бежали с гор вниз, / птицы звали, ликуя, их в горную высь, / а Мрассу обнимал ясный солнечный мыс, / где стоит нелюдимо скала Чедыгыс. / В дымке тайны ушедших веков — Чедыгыс. / Незабвенная память — скала Чедыгыс! / О, давно это было...»

Поэзия Таяны Тудегешевой — это непрерывный поиск своего национального, духовного и культурного начала, это шествие по тропе исторической и генетической памяти в глубины забытых веков, к истокам народной культуры — туда, где в одной из своих прошлых жизней она жила «в Белой дедовской юрте, похожей на птицу», которая могла, вдруг «расправив крыла, ввысь взлетев, к золотым облакам устремиться».

Я не знаком с преданиями Горной Шории и не знаю, что именно символизирует собой образ Белой юрты, но, несмотря на это, он зовёт меня, волнует, манит какой-то своей необъяснимой близостью и родственностью, как манит нас, к примеру, наша общая человеческая колыбель — море, из которого однажды вышла на сушу сама Жизнь. Наверное, именно поэтому душа с таким необычайным трепетом повторяет вслед за поэтессой строки, венчающие её стихотворение «К Белой юрте», и, повторяя их, чувствует, что произносит хотя и написанные кем-то другим, но тем не менее вовсе не чужие слова, а свои, находящие отклик и понимание в сердце: «О, мать Азия, скрывшая предков пути! / Возврати же из прошлого самую малость! / Сквозь столетий туман дай дорогу найти / к Белой солнечной юрте, где счастье осталось».

Настоящая поэзия тем и отличается от похожей на неё псевдопоэзии, что настоящая написана как бы от лица каждого читающего. Работая в годы своей молодости в одной из геологических партий Забайкалья, я как-то спросил своего старшего товарища — геолога Михаила Озерова, с которым мы во время наших скитаний по тайге вели частые литературные беседы, любит ли он современную поэзию.

«А я её не читаю», — ответил он. «Как? — удивился я. — Почему?»
«А я в ней не узнаю себя, — объяснил он. — Читая стихи Пушкина, я вижу, что они написаны про меня, а читая стихи современных авторов, вижу, что меня в них нет. Поэтому они для меня неинтересны...»

Как это ни странно, но в стихах Таяны Тудегешевой, несмотря на их этническую, географическую, языковую (а многие из её стихов очень сильно напоминают собой не столько оригиналы, сколько переводы на русский), а также культурно-историческую отдалённость от меня, я узнаю себя, как узнаёт себя человек, наклонившись попить воды из родника, в зеркальном отражении на его поверхности. Мне близки и понятны создаваемые ею образы, будь то таёжная шаманка, блуждающие в виде ключев тумана бесприютные души погибших в тайге людей или рожающая богатыря Ольгудека женщина. Хоть поэтесса Таяны Тудегешевой и опирается на этно-культурные традиции шорского народа и подсказываемые ей окружающей её природой образы («девочка с оленьими глазами», «шаманка-метель» и т.п.), суть того, что она говорит в своих стихах, понятна представителю любой национальности и культуры. Кто из читающих не подпишет под словами стихотворения «Заклинание», в котором поэтесса говорит о самом дорогом и важном для неё и в то же время — самом больном вопросе: «Пусть не вымрет язык моего народа, / на умолкших страницах застыв навсегда / в нелюдимой тиши книг, взирающих строго / в молчаливые лабиринты библиотек. // Пусть не скажут о нас: «На шорском наречье / говорил в Лету канувший древний народ, / язык диких птиц и зверей понимавший, / но забыл он мир духов — священный завет...» Проблема сохранения родного языка сегодня одинаково важна как для русского народа, так и для представителей большинства национальных республик — об этом из года в год кричит в своих стихах и поэмах казахский поэт Мухтар Шаханов, об этом пишет русский прозаик Владимир Крупин, этот вопрос поднимают и многие другие писатели. Перед угрозой всеобщей глобализации, стремящейся стереть национальные отличия между народами и превратить всех в одинаково безликую массу потребителей, единственным средством противостояния этому всеобщему обезличиванию является сохранение собственного национального лица — языка, литературы, культуры, народных традиций, верований и прочего. Мы живём в такую эпоху, когда нужно иметь немалое мужество, чтобы, никого и ничего не боясь,

сказать во весь голос: «Я — русский», — или же: «Я — шорец», и Таяна Тудегешева своими стихами учит нас именно этому. Не подыгрывая никаким новомодным космополитическим тенденциям с их навязываемыми всем фальшивыми «общечеловеческими ценностями», она гордо заявляет: «Я — дочь, я — ветвь Абинского народа, / наш род — Аба, и нет древнее рода. // Аба — отец. В степи клубится пыль. / Склонил седую голову ковыль. // Аба! И слышу — стрел холодных свист. / Аба... Упал на землю жёлтый лист... // <...> // Аба... Растаял звук и песней стих. / Пою я реквием — прощальный стих. // Наш род угас... О, нет печальней рода! / Я — песня-плач Абинского народа».

Чтобы говорить от имени целого народа (каким бы много- или малочисленным он ни был), нужно быть кровной частью этого народа, знать его душу, мыслить теми же образами, какими мыслит он, исповедовать те же ценности, какие исповедовали его предки. Новая книга Таяны Тудегешевой — красноречивое свидетельство того, что она не только не утратила свою связь с родной культурой и родным народом, но наоборот — сроднилась с ними в своих стихах ещё больше, закрепив в поэтическом слове характерную для шорцев художественную образность и систему исторических ценностей. Вот отрывок из её чисто описательного стихотворения о метели, иллюстрирующий собой соединение традиционной национальной образности с русской поэтической ритмикой: «Дни смешались в безумстве недель, / словно бисер в незримой руке. / Всё камлает шаманка-метель, / завывая в мятежной тоске. // В буйных ритмах со стоном кружится, / мудрость белых волос разметав. / Будто хочет навеки проститься, / в страстном танце земли отпылав...» А вот фрагмент из «программного» стихотворения-декларации о тюрках, к которым возводят свою историческую родословную сегодняшние шорцы: «Ширь Алтая, простор евразийских степей / помнят древние вехи забытых путей... / Тюрки!.. / Гордый дух не сломить — лучше в землю уж лечь. / Если совесть молчит, прав становится меч... / Тюрки!.. / Вихри смолкли, им ветры поют в унисон. / Годы-кони умчались стрелой в горизонт... / Тюрки!.. / Крик мой в Вечное Небо — в пространство Времени. / Над веками парить гордый беркут рождён!!!»

Читая стихи Таяны Тудегешевой, нельзя не заметить встречающиеся в них время от времени стилистические неточности или же

такие нарушения правил русского правописания, которые были бы просто недопустимы в стихах русского поэта. Но я не случайно обмолвился выше, что некоторые стихи Тудегешевой напоминают собой не столько оригиналы, сколько подстрочные переводы на русский язык, — перед нами уникальный пример соединения национального образа мысли, национального способа построения художественных образов, национального принципа стихосложения и — современной русской письменности. В результате мы получаем стихи, напоминающие собой классические шорские юрты, только построенные уже не из дерева и шкур, а из современных металлических стоек и пластических материалов, да к тому же оборудованные внутри холодильниками, телевизорами, компьютерами и иными предметами нынешней цивилизации. Понятно, что какая-то деталь при сборке обязательно закатится в мох, какая-то окажется лишней, какую-то придётся заменить куском обычной стальной или медной проволоки... Важно не это. Важно то, что ночью, когда выключаются телевизор с компьютером и в юрте наступает тишина, становится отчётливо слышно, как над нею гудит в вышине вольный сибирский ветер, и в его широком дыхании слышится незатахнувший гул истории. Вот ради этого одного и стоит продолжать писать стихи, сооружая при помощи строчек и рифм крепкие поэтические юрты, в которых сможет поселиться память об истории и культуре родного народа: «Слышишь, дядя? / Ты юрту построй на старинном оставленном месте, / где наш прадед с надеждой очаг зажигал. / Юрту-солнце построй, наряди, как невесту, / и чтоб в центре жилища — огонь запылал. // Сзови всех на той, будет много народу. / Над огнём закамлает чугунный казан. / Возродим наш обычай, который от роду / нам отцами в наследство когда-то был дан...»

Поэзия Таяны Тудегешевой работает на возрождение обычаев родного народа, а это значит, она будет востребована как самими шорцами, так и всеми патриотами России. Потому что настоящий патриотизм всегда опирается на дружбу, а можно ли дружить с народом, которого ты не знаешь и не понимаешь? Стихи Таяны Тудегешевой как раз и помогают всем лучше узнать народ Горной Шории и понять его душу.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ,
секретарь Правления Союза писателей России